

надмірного біографізму в тлумаченні авторської особи в ліриці. Адже навіть сама особа автора в ліричному творі виступає як поетичний образ, як художнє узагальнення, а не тільки як біографічне зображення самого поета.

З метою глибшого осмислення характеру в ліричному творі, доцільним видається дослідити і осмислити способи і форми зображення поетом ліричного “я”, а також дослідити ті засоби, за допомогою яких воно зазвичай створюється. Таке дослідження допоможе глибше осмислити характер ліричного героя, а відтак допоможе отримати більш чітке уявлення і про особу поета, який створив цей характер.

Література:

1. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1941.
2. Галич О., Назарець В., Васильев С. Теория литературы. – К., 2001.
3. Гинзбург Л. О лирике. – Л., 1974.
4. Литературознавчий словник-довідник. – К., 1997.
5. // Литературная газета. – 1963. – 1 июня.
6. Краткая литературная энциклопедия. – Т.4. – М., 1967.
7. Михайлов А. Поэт и лирический герой. – Архангельск, 1960.
8. Назаренко В. О так называемом лирическом герое // Звезда. – 1953. – №10.
9. Руин Б. Спор необходимо продолжать // Новый мир. – 1960. – №11.
10. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. – М., 1977.

Поступила 21.09.2004 г.

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКОГО РОМАНТИЗМА В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ 1990-Х ГОДОВ

Н.К. Эмирсуинова

В статье анализируются теоретические аспекты сущности понятия «романтизм», дается аналитический обзор литературоведческих исследований о русском романтизме, обобщаются основные направления в изучении русского романтизма.

Ключевые слова: аналитический обзор, романтизм, теоретические аспекты, литературоведческие исследования

У статті аналізуються теоретичні аспекти сутності поняття “романтизм”, дається аналітичний огляд літературознавчих досліджень про російський романтизм, узагальнюються основні напрямки у вивченні російського романтизму.

Ключові слова: аналітичний огляд, романтизм, теоретичні аспекти, літературознавчі дослідження

The article deals with the theoretical aspects of the real meaning of “Romanticism”. It is given here an analytical revision of the history literary researches of Russian romanticism; analyzed the main aspects of new approaches to studying Russian romanticism.

Key words: theoretical aspects, analytical revision, literary researches, romanticism

Цель данной статьи – выявить некоторые тенденции изучения русского романтизма как части мирового литературного процесса. Поскольку в связи с этим выделяются по преимуществу теоретические аспекты, то в поле зрения автора вошли прежде всего обобщающие литературоведческие труды, в которых романтизм, и русский романтизм в частности, представлен комплексно. Исследования об индивидуальных художественных мирах романтиков привлекаются лишь с целью выяснения каких-либо общетеоретических аспектов.

Актуальность такого аналитического обзора заключается в определении, насколько это возможно, новейших научных стратегий, вызванных серьезными изменениями в отечественной литературной теории. Это последовательный отход от официального идеологизированного литературоведения, влияние зарубежных литературоведческих концепций, как следствие этих процессов – изменения в методологии литературоведения и возникновение новых терминов и понятий.

Весьма плодотворным является установившееся в 1990-е годы представление о трех стадиях всемирного литературного развития, где эпохе романтизма отводится очень важная роль – освобождение от аристотелевских норм и утверждение ценности неповторимых художественных миров, индивидуально-авторских стилей [27, с.360]. Романтизм трактуется как «литературная общность» или как «художественная система», обозреваются его основные особенности. Однако описание этой всемирной «литературной общности» ведется с привлечением чаще всего только немецкого романтизма, что, естественно, приводит к некоторым ограничениям.

Обращения автора новейшей «Теории литературы» к ранним трудам В.Жирмунского [27], где сущность романтизма рассматривалась в соотношении человека с универсальными категориями бытия и сознания, а не только в связи с абсолютизацией проблемы человеческой личности, свидетельствует о новых подходах к истолкованию сути явлений, которые произошли в связи со становлением романтизма в мировой литературе. Главным завоеванием современного романтиковедения является преодоление схематизма, однозначности суждений, превалирование интереса исследователей к внутренним, эстетическим закономерностям романтизма как сложного литературного движения. Таким образом, происходит дальнейшая реализация основного тезиса конца 1980-х годов: романтизм как художественная система есть «инвариант индивидуальных, групповых, национальных систем» [24, с.18]. Большинство ученых 1990-х годов на первый план выдвигает идею творчества как самую основополагающую суть романтического миропонимания. В центре рефлексии романтического сознания – «самоценная, самодовлеющая творческая личность», что приводит к пониманию культуры и цивилизации как творческого, эстетического прежде всего, процесса. Из этого вытекают такие последствия, как «присутствие воли творческого субъекта в каждой монаде художественного мира» [6, с.225], «эстетизм», «немиметический статус текста», «противоречие между поверхностью и глубиной, феноменом и ноуменом» [25, с.51], или символизация текста...

Современный ученый, как правило, констатируют неисчерпаемость терминологического определения романтизма: он «породил огромное разнообразие толкований и смыслов» [23, с.12]. Обозначая параметры романтического художественного сознания, они, наряду с использованием устойчивых и прочно связанных с толкованием сущности романтизма понятий «ненормативная эстетика», «культ индивидуализма», «двоемирие», «фрагмент» и прочее, вводят также определения, максимально полно объясняющие суть романтического переворота в художественном сознании: свобода творчества, провозглашенная романтиками, привела к «бесконечному» разнообразию стилей и художественных приемов, поэтому романтизм и есть само «вечное движение», сама «незавершенность». Предлагая видеть в романтизме «пространство закодированных понятий и сложных идей», современный исследователь, в частности, обозначает принципиальное новаторство романтического художественного сознания: понимание мира посредством «освобожденного слова» и создание особенной поэтики [23, с.21].

В монографии о немецком романтизме Н.Я. Берковский в свое время (1973) действительно выдвигал идею «творчества» и связанную с ней идею «бесконечности» как наиболее важные философские завоевания романтиков: они раскрепощали писателей, разрушали жанровые каноны, позволяли углубляться в древние пласты народных представлений, содействовали «историзации» мышления человека новой эпохи. Однако в работах 1990-х годов, в целом продолжающих традиции Н.Я. Берковского, стираются различия между романтизмом XIX в. и модернистскими художественными системами, что затрудняет определение четких контуров этих разных литературных явлений.

Исследуя сущность романтизма с точки зрения «исторической поэтики», С.Н. Бройтман утверждает, что «категориальный слом», который произошел на рубеже XVIII – XIX вв., очевиден – с этого момента до наших дней динамически развивается новая поэтика. Выводя основные признаки этой поэтики, ученый оригинально трактует специфику личностного сознания послеаристотелевской фазы литературы. Используя терминологию М.Бахтина, он вводит понятие «модальности» как формы существования личности – «единственной единственности» при «автономной причастности» к внешнему миру и миру других людей. Романтики увидели, что мир не распадается на два, что он «двуедин». Между предметным миром и миром идеальным – целостность модальная: мир един как состояние двух автономных начал, между которыми всегда остается некая черта [3, с.234]. Она, по мнению романтиков, должна быть преодолена, несмотря на трудности – языковые, психологические, гносеологические. Так, в новейшем исследовании вводятся корректировки в такое традиционное понятие, как «романтическое двоемирие», и вытекающую из него эстетическую установку на выражение «невыразимого» и понимание мира как «неосуществленной возможности».

Другой современный ученый рассматривает сущность романтизма сквозь призму категории «художественности». В литературном процессе Нового времени он выделяет «три очень существенных этапа, явившихся полемически сменяемыми друг друга субпарадигмами художественности: предромантической, романтической и постромантической» [26, с.70].

Если предромантизм – это «открытие эстетической природы искусства», то романтизм, в котором «текстопорождение начинает восприниматься как игра (без правил) – игра с читателем в сотворение мира, – это осознание «творческой стороны эстетического, выражаемой законом оригинальности» [26, с.72].

Симптоматично, что в этих теоретических построениях, насыщенных современной терминологией из семиотики и структуралистского литературоведения, доминирующим становится общепринятый традиционный термин – «стиль», поскольку именно он – ключевое понятие в поэтике и эстетике романтизма: стиль – «индивидуальный художественный язык, на котором, строго говоря, написан один единственный текст – текст данного шедевра» [26, с.21].

Этап «постромантизма», по мнению ученого, свидетельствует о том, что «классический реализм» XIX в. есть не столько «отталкивание от романтизма», сколько «продолжение и развитие креативистской художественной культуры» [26, с.72].

Абсолютизация романтического этапа, придание ему исключительно важного значения в литературном развитии, соотношение остальных этапов с ним как со своеобразной нормой продиктованы смыслом общей литературной концепции автора: именно романтизм – как в теории, так и в литературной практике наиболее последовательно выявил суть литературы как художественного дискурса.

Новые подходы к теоретическому изучению романтизма отчетливо обозначились в украинской филологии. В фундаментальных исследованиях Т.В. Бовсунивской, посвященных феномену украинского романтизма, представлена новаторская методология, характерная для новейшей теории литературы: романтизм, по ее мнению, следует изучать, синтезируя достижения разных литературоведческих школ. Исследуя тексты украинских писателей,

Т. Бовсунивская последовательно опирается на отечественную феноменологию и этнокультурологию, привлекая работы французских структуралистов и тематологов. Объясняя специфику «романтического теогенезиса», она выявляет такие специфические особенности романтической художественной системы, как усвоение натурфилософии Ф. Шеллинга и отечественных мыслителей и как следствие этого усвоения отмечается «сакрализация эстетической сферы» [1, с.7], что ставит творчество украинских романтиков в один ряд с представителями этой стадии развития литературы других стран. Художественная общность участников этого процесса проявлялась в подчеркнутом внимании к проблемам специфики искусства, в абсолютизации его возможностей и его действительности.

Таким образом, в теоретическом изучении романтизма как «художественной системы» или как «литературной общности» проявилась своеобразная тенденция рассматривать его как особую часть послеплатоновской стадии литературного развития, которая знаменует собой установление продуктивных эстетических представлений, приводящих к раскрепощению литературного процесса, творчества в целом.

Такой подход к изучению романтизма ориентирует исследователей на более полное выяснение его конкретных признаков и его роли в становлении следующих за ним художественных систем не по принципу отталкивания, отрицания, преодоления, а по принципу развертывания и реализации тех завоеваний, которые постулировались в теории и обозначались в творчестве писателей-романтиков еще в конце XVIII века. В связи с этим название книги С.И. Толмачева [25] «От романтизма к романтизму» звучит символически и определяет поле будущих исследований.

В то же время можно выделить некоторые частные моменты, проявившиеся в осмыслении понятия «романтизм» как литературного явления.

- Отказ от определений, где на первый план выдвигались критерии идеологического или гносеологического плана, от толкования «романтизма» как художественного метода с соответствующим ему способом познания и изображения жизни, в котором преобладала субъективная авторская воля, преобразующая и трансформирующая реальную картину мира, что само по себе приводило к его или расширительному пониманию, или к определению через один магистральный признак. Безусловно, любой современный исследователь учитывает достижения литературоведения 1970-1980-х годов, в которых мировой романтизм представлен как «тип творчества», как своеобразное «мироощущение» или «художественное мышление». Словарная статья Ю. Борева фиксирует этот процесс: и подведение итогов такого изучения, и приверженность «монистическому» взгляду на романтизм как «выражение индивидуалистического мироощущения человека XIX века» [2, с.376].

- Произошло включение понятия «романтизм» в контекст новейшей терминологии из рецептивной эстетики, структурализма, литературной герменевтики, это привело к более многогранной, многоуровневой характеристике самого явления, в котором существенно изменились соотношения «текста» и «произведения», «автора» и «адресата», «креативизма» и «жанрового канона».

- Романтизм стал рассматриваться в исторической поэтике на гораздо более обширном историко-литературном фоне, в сравнении не только с литературными «художественными системами», близкими ему по времени, – сентиментализмом, классицизмом, реализмом, но и с многовековым «традиционализмом» (С. Аверинцев) предшествующих эпох и с постмодернистскими литературными явлениями современности.

В изучении русского романтизма все эти аспекты направлены на детальное выяснение его специфических национальных характеристик. В 1990-е годы тенденция включать русский романтизм в общеевропейский контекст перешла от описания взаимовлияний, заимствований к рассмотрению его в связи с общей многообразной палитрой течений. Так, в книге Д.С. Наливайко и К.А. Шаховой в русле «байронизма» представлены А. Пушкин и М. Лермонтов, Н. Гоголь соотнесен с «гофмановским» течением, Любомудры и Ф. Тютчев – с «универсальным» романтизмом [18, с.19]. Все это приводит к пересмотру устойчивых штампов: исключается однозначное истолкование различных проявлений романтической художественной системы, снимается «большой» вопрос о двух романтизмах – пассивном и активном. Примечательно, что в монографиях 1990-х годов Ю. Манн вынужден обратиться к разговору об этом, так как вузовская и школьная практика сохраняет это бинарное представление о русском романтизме. Предлагая остановить дефиниционный подход, он предостерегает исследователей от крайностей обязательного четкого определения романтизма через один ведущий признак или через нанизывание нескольких. Ученый считает, что «предпосылки интерпретации коренятся в самой поэтике произведений» [14, с.359], поэтому определения типа «пассивный», «пессимистический», накладываемые на конкретную художественную ситуацию, оказываются зачастую неадекватными ей, существуют априори в сознании интерпретатора [15, с.419].

Современные филологи считают, что русский романтизм следует изучать с точки зрения его поэтики, так как круг основных идей, эстетических деклараций, его философия и социология изучены более обстоятельно. Преимущественное обращение к художественной структуре произведений, доверие к художественным текстам, сравнение их через типологию романтических оппозиций, выделение общих, повторяющихся элементов при их многообразии и различиях – это характерные проявления новых подходов, основанных на плодотворном союзе сравнительно-типологического, структуралистского, мифопоэтического изучения русского романтизма. В качестве примера можно назвать статью о структуре балладного сюжета Д.М. Магомедовой [19] или исследования Е.Г. Милгиной о романтической мифологии [17].

1990-е годы ознаменованы обращением романтиковедения к многочисленным представителям массового, периферийного романтизма. Диссертации, представленные к защите в Днепропетровске, Харькове, Симферополе, посвящены М.Н. Загоскину, К.С. Полевому, А.Ф. Вельтману. Молодые ученые, расширяя круг имен, восстанавливают полную панораму этого феномена начала XIX в., определяют магистральные, сквозные темы русского романтизма, его особенные черты, которые как раз больше очевидны в текстах писателей второго плана и эпигонов. Вместе с тем выясняется, что массовая литература эпохи романтизма изучена недостаточно.

Наиболее дискуссионным оказался вопрос о национальной специфике русского романтизма. Одна позиция представлена в словарной статье А.Е. Махова [16, с.901], в которой русский романтизм связывается со значительными явлениями мировой литературы XIX в. Перечисляя темы, идеи и настроения романтизма в русской литературе, исследователь немотивированно включает в него и трагедию А. Пушкина «Борис Годунов». К позднему романтизму здесь вполне обоснованно отнесены темы двойничества, демонизма, смерти, но странно звучит в этом окружении высказывание А.Пушкина о романтизме как «парнасском афеизме», которое было провозглашено в ранний период русского романтизма с его пафосом антиклассицизма, направленным против «шишковистов». Представляется, что такие непривычные заявления связаны не с желанием выявить новые подходы к изучаемому явлению, а вызваны прямолинейным отождествлением русского романтизма с западноевропейским, без учета совершенно особого, специфического его пути развития. Другая точка зрения высказана Ю. Манном. Анализируя мотив игры, различные формы фантастики в русском и немецком романтизме, он констатирует, что «русский романтизм более романтичен, чем принято считать» [14, с.371], поскольку он, «форсируя стадии, смотрел на западные формы как бы с точки зрения итога. И в некоторых отношениях это вывело его на один из самых высоких уровней романтического движения» [15, с.935].

Выясняется, что обстоятельного и полного описания специфических национальных особенностей русского романтизма еще нет, что идет процесс систематизации, сравнительного изучения многочисленных текстов романтической поры как особого художественного дискурса в русском литературном движении. Важно, что современные ученые строят свои концепции в рамках научной преемственности. Об этом свидетельствуют, в частности, публикация ранее неизвестной работы Г.А. Гуковского, одного из самых значительных исследователей русского романтизма, «О

стадиальности истории литературы». Написанная в 1943 г., она воспринимается как своеобразное послание в XXI в. о методологии исследования: «Для того, чтобы построить понятие романтизма, мы должны изучить и понять это общее как общее; то есть изучить его в многообразных индивидуальных преломлениях в различных частных произведениях» [4, с. 55].

В 1990-е годы русский романтизм стал изучаться как своеобразный культурный феномен, культурологические работы Ю.Лотмана были написаны в разное время, но в научный оборот вошли именно с момента издания «Бесед о русской культуре», сборников по семиотике культуры. Особенное значение для изучения эволюции романтизма и его взаимодействия с постромантическими системами имеют теоретические работы ученого «Культура и взрыв», «Внутри мыслящих миров» [13], в которых рассматриваются структурно-взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы в развитии культуры: «взрыв» и «постепенность», «прерывное» и «непрерывное». Функционирование этих процессов в развитии русского романтизма с учетом идей Ю.Лотмана может быть описано более адекватно самой литературной реальности.

Одни художественные открытия внутри романтической системы совершались «вдруг» и переходили через эстетические и жанровые каноны, порождая новые художественные системы; другие развивались постепенно, исподволь, медленно и спокойно сосуществовали с этими новыми художественными системами, сохраняя свою романтическую природу. Так, романы А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Гоголя создавались по принципу «взрыва» романтической поэтики, лирика же «непрерывно» эволюционировала, накапливая и разрабатывая заложенный в ней потенциал, перетекала в лирику Серебряного века. Не случайно все поэты – от А. Блока до М. Цветаевой признавали свое глубокое родство именно с романтической традицией, что является одним из самых многообещающих аспектов изучения русского романтизма и модернизма в свете интертекстуальности.

Ценность исследований Ю. Лотмана в том, что они стимулируют научный поиск, направляют интерес к околотитулярным явлениям, расширяя смысл и назначение контекстуального изучения художественных текстов. Декабристский романтизм невозможно теперь изучать без уникальной статьи «Декабрист в повседневной жизни», в которой бытовое поведение романтиков объясняется их гражданскими устремлениями. Литературные, книжные представления определяли их свободу выбора форм поведения, серьезность, сознательный аскетизм, жертвенность, культ дружбы, отвержение галломании, любовь ко всему русскому вплоть до национальной одежды и знаменитых рылевских русских завтраков – все эти стороны повседневной жизни декабристов свидетельствовали о том, что новый тип человеческого поведения формировался в эпоху романтизма одновременно и в литературе, и в жизни. Они являлись определенными знаками культуры декабристского романтизма [12, с.331-384].

Следует назвать здесь и те статьи по семиотике культуры, в которых явно проявляется близость лотмановской концепции с «новым историзмом» зарубежного литературоведения, особенно в утверждении «историчности текстов и текстуальности истории»: «Театр и театральность в структуре культуры начала XIX в.», «Сцена и живопись как кодирующие устройства культурного поведения человека начала XIX в.», «К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи» и другие. В них поражает «насыщенность описаний», т.е. привлечение к изучаемому знаков и кодов из разных областей культуры; романтическая литература здесь соотносится с другими дискурсами: не только с изобразительным искусством или с театром, но и со светским балом, карточной игрой, салонной беседой, офицерским бытом... Такой подход позволяет увидеть обусловленность многих явлений романтической литературы ее широким историко-культурным контекстом и обозначает грани жизнотворчества людей романтической эпохи. Без этого невозможно понять настроение духовной биографии русских романтиков от В. Жуковского до М. Лермонтова. В книгах Ю. Лотмана определены своеобразные знаки жизненного поведения человека первой трети XIX в.: естественность, свобода, духовность. Сравнение романтических веяний с культурой уходящего XVIII в., приведенное в них, позволяет, вслед за автором, утверждать, что свойственный русской культуре XIX в. «литературоцентризм» начал формироваться именно в русле романтического движения с его преимущественным интересом к чтению, культом книги в семье, моделированием жизненных ситуаций в соответствии с литературными представлениями.

Культурологические исследования о романтической эпохе стали ставить и такие вопросы, как роль религии в жизни людей пушкинской поры, отражение религиозных переживаний в художественном мире поэтов-романтиков. Выяснение соотношения романтизма с религиозным сознанием – очень сложная тема [7]. Исследователи констатируют несомненную связь творчества В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя с христианским мировоззрением, хотя здесь многое остается невыясненным, спорным. Причин здесь много: отсутствие глубоких религиозных знаний целого поколения ученых, воспитанных советским атеизмом, нерешенность философских, онтологических, метафизических проблем – о соотношении литературы (искусства, эстетики) с

религией, неясность соотнесенных понятий – художественный образ (символ) и религиозный образ (символ), которые не имеют четких, разграничительных дефиниций ни в теории литературы, ни в психологии творчества. Если суммировать проблематику исследований романтизма в религиозном аспекте, то картина будет такой.

- От общественно-идеологических подходов современное литературоведение устремилось к изучению особенностей нравственной и художественной философии русских романтиков, этим объясняется явное падение интереса к гражданскому, политическому романтизму декабристов. Что в свою очередь привело к сокращению разделов о нем даже в учебных пособиях. В вузовском учебнике 2004 г. характеристике этого течения отведено всего полстраницы [21, с.11]. Симптоматично, что автор школьного учебника, посвятив декабристскому романтизму две страницы, обращает внимание на «отчетливо выраженные христианские мотивы» [11, с.28], проявившиеся в предсмертных стихах К. Рылеева, о чем раньше в школьных учебниках умалчивалось.

- Фактически авторы учебных пособий таким образом реагируют на возникшую в литературоведении потребность выяснения и уточнения связей русского романтизма не столько с освободительным движением, что уже сделано несколькими поколениями ученых, сколько с религиозно-нравственными ценностями эпохи.

- В зарубежном литературоведении связь романтического художественного мышления с религиозным опытом изучается давно, в целом выявлены и аспекты такого изучения. Джулия Кертис, в частности, обозначает такие особенности романтического творчества, как использование «религиозной терминологии», «интерес к оккультному», стремление придать «искусству статус религии» [9, с.28]. Отечественные литературоведы также обратились к вопросам соотношения религиозного и эстетического моментов в сознании романтиков. Так, общепризнанным считается факт о христианских истоках романтизма [7, с.104], о своеобразном синтезе знания и веры [8, с.6], о сложном переплетении богоборческих и прославляющих Божественный закон мотивов. Появившиеся в последнее время новые интерпретации произведений М. Лермонтова [10, с.3-6] позволяют сделать такие выводы об особенностях русского романтизма.

- Если литературоведение 1970-1980-х годов очень осторожно высказывалось об элементах мистицизма в русском романтизме, то в 1990-е годы появляются работы, в которых объясняется своеобразие мистических произведений. О мистическом как о сверхчувственном способе познания бытия, особенном свойстве именно романтического восприятия мира теперь пишется в словарях литературоведческих терминов. Таким образом, осознается насущность исследования многих литературных явлений, связанных с именами В.А. Жуковского, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, В.Ф. Одоевского не только с позиций литературоведения, но и данных религиоведения, философии религии, истории мистических учений, психологии творчества [30, с.559].

- В публикациях последних лет проявляются тенденции сравнительного истолкования религиозных тем и мотивов в романтических и неромантических текстах, делаются предварительные обобщения о том, что в романтических текстах явно проявляется эстетизация религиозных образов, происходит их преобразование в свете индивидуального мировосприятия автора, религиозная символика под пером романтического поэта становится еще более метафоричной [28]. В мистической лирике В.А. Жуковского, по мнению исследователей, проявляются настроения «христианского оптимизма». За многозначными образами «таинственных посетителей», «милых вестников» иного, высшего мира скрывается желание поэта выразить в стихах свой внутренний опыт общения с Создателем, эстетическое чувство здесь граничит с религиозным или переходит в него, отсюда – утверждение романтика о божественности чувства красоты [5; 28].

- Очевидно, что современное литературоведение находится еще в самом начале изучения соотношения русского романтизма с разными проявлениями религиозности: от использования библейских тем и сюжетов до создания стихотворных молитв, от изображения и констатации двоереального пространства до погружения в ирреально-чуждое пространство мистических видений. Вот почему совершенно закономерно и оправдано обращение литературоведов к прерванной традиции – к опыту прочтения романтических текстов в русской философской критике [19]. В наследии Д. Мережковского, В. Соловьева, П. Флоренского, И. Ильина, С. Франка могут быть найдены многие ключи для толкования религиозных аспектов русского романтизма.

- Однако следует учитывать, что в некоторых трудах представителей русского зарубежья романтические настроения ассоциировались с неверием, атеизмом. В частности, эволюция А.С. Пушкина в 1820-е годы виделась им в избавлении от этих моментов. Заявляя о том, что было «много мистических струй в самом романтизме пушкинской поэзии» [20, с.126], один мыслитель писал о быстром освобождении поэта от романтических «нерусских» веяний, а другой прямо указывал на романтизм – байронизм поэта как на «недуг», который требовал «духовного и художественного преодоления» [20, с.293].

Эти публикации, вошедшие в наше научно-исследовательское поле в 1990-е годы, сохраняют отпечаток своего времени. Они написаны в первой половине XX в., когда русская эмиграция была прежде всего озабочена правдивым воссозданием духовного облика зрелого А.С. Пушкина, который, по ее представлениям, явно искажался в официальном литературоведении. Дальнейшее изучение историко-литературного наследия русской философской критики позволит существенно обогатить наше понимание русского романтизма, который, как теперь выясняется, не был только воплощением «неверия», «атеизма», о чем, например, свидетельствует классическая статья Д. Мережковского о М.Ю. Лермонтове, о «религиозной святине», освещающей трагический художественный мир русского романтика.

Литература:

1. Бовсунівська Т.З. Феномен українського романтизму. – К., 1997.
2. Боров Ю.Б. Романтизм // Боров Ю.Б. Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. – М., 2003.
3. Бройтман С.Н. Историческая поэтика. – М., 2001.
4. Гуковский Г. О стадильности истории литературы // Новое литературное обозрение. – 3' 2002. – №55.
5. Канунова Ф.З., Айзикова И.А. Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820-1840 гг.). – Новосибирск, 2001.
6. Карельский А. Революция социальная и революция романтическая // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. 2.
7. Карташова И.В., Семенов Л.В. Романтизм и христианство // Русская литература XIX века и христианство. – М., 1998.
8. Карташова И.В. Взгляд на романтизм в канун XX века // Романтизм и его исторические судьбы. – Ч. 1. – Тверь, 1998.
9. Кертис Джулия. Романтическое видение // Литературное обозрение. – 1991. – №5.
10. Кормилов С.И. Поэзия М.Ю. Лермонтова. – М., 2000.
11. Лебедев Ю.В. Русская литература XIX века. Часть I. – М., 2002.
12. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. – СПб, 1992.
13. Лотман Ю. Семиосфера. – СПб, 2000.
14. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. – М., 1995.
15. Манн Ю. Русская литература XIX века. Эпоха романтизма. – М., 2001.
16. Махов А.Е. Романтизм // Литературный словарь терминов и понятий. – М., 2001.
17. Милогина Е.Г. О мифотворчестве романтиков // Романтизм в литературном движении. – Тверь, 1997.
18. Наливайко Д.С., Шахова К.О. Эстетика и поэтика романтизму // Зарубіжна література XIX століття. Доба романтизму. – Тернопіль, 2001. См.: Николенко О.М. Романтизм у поезії. – Харків, 2003.
19. Поэтика русской литературы. – М., 2001.
20. Пушкин А.С.: путь к Православию. – М., 1999.
21. Роговер Е.С. Русская литература первой половины XIX века. – СПб. – М., 2004.
22. Семенов Л.Е. Романтизм и русская религиозно-философская мысль. (О. Павел Флоренский) // Романтизм: грани и судьбы. – Тверь, 1999. – Вып. 2.
23. Соловьева Н.А. XIX век: романтическое сознание эпохи // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. – 2001. – №4.
24. Тертерян И. Романтизм как целостное явление // Тертерян И. Человек мифотворящий. – М., 1988.
25. Толмачев В.М. От романтизма к романтизму. – М., 1997.
26. Тюпа В.И. Художественный дискурс. Введение в теорию литературы. – Тверь, 2002.
27. Хализев В.Е. Теория литературы. – М., 1999.
28. Эмирсуинова Н.К. Русская поэзия первой трети XIX века и религиозное сознание // Романтизм и его исторические судьбы. Ч.2 – Тверь, 1998.
29. Эмирсуинова Н.К. Интерпретация мистических стихотворений В.А. Жуковского // Вісник Запорізького університета. Серія “Філологічні науки”. – Запоріжжя, 2003.
30. Яковлев М.В. Мистическое // Литературный словарь терминов и понятий. – М., 2001.

Поступила 29.09.2004 г.